

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 3. С. 154–167.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2021. Vol. 4, no. 3. P. 154–167.

Научная статья / Original article

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2021-4-3-154-167

«ДВЕ ГЕРМАНИИ» В ПУБЛИЦИСТИКЕ Н. А. БЕРДЯЕВА 1914–1918 ГОДОВ

Анна Федоровна Макарова

Московский государственный университет

имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия,

anna.fed.mak@gmail.com,

<https://orcid.org/0000-0002-5698-5836>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблемы германизма в публицистике Н. А. Бердяева периода Первой мировой войны, обнажившей, по мнению философа, сущность немецкого духа, его мощь и опасность для судеб Европы и мира. Отношение к проблеме германизма С. Н. Булгакова и В. Ф. Эрнст встречало сопротивление у Бердяева и провоцировало его на более глубокое восприятие трагедии Германии военных лет. Автор раскрывает суть концепции «двух Германий», изложенной Бердяевым в статье «Религия германизма». Философ выделяет «старую», «первую» Германию — страну мыслителей, мистиков, поэтов, музыкантов, — и «новую», «вторую» Германию, которую характеризуют агрессивный милитаризм, индустриальное развитие, империалистические претензии. Вслед за Бердяевым автор указывает на непротиворечивость этих двух состояний германского духа, общность «корня» при разительном отличии исторических воплощений. Примечательно, что способ осмысления философом угрозы германизации схож с более поздним

восприятием им большевизма — столь же отталкивающего и враждебного явления национального бытия, но столь же закономерного и органичного. Во взглядах Бердяева на катастрофу Первой мировой войны можно отметить явные оптимистические ноты. По его мнению, эта война важна для динамического позиционирования ролей России и Германии в мировой истории, а именно в процессе борьбы германизма со славянством.

Ключевые слова: германизм, славянство, неославянофильство, Первая мировая война, механизация, русская философия

Ссылка для цитирования: Макарова А. Ф. «Две Германии» в публицистике Н. А. Бердяева 1914–1918 годов // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 3. С. 154–167. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2021-4-3-154-167>.

Literature. Philosophy. Religion

“TWO GERMANIES” IN PUBLICISM OF N. A. BERDYAEV IN 1914–1918

Anna F. Makarova

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia, anna.fed.mak@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-5698-5836>

Abstract. The article discusses the philosophical understanding of the problem of Germanism in the articles of N. A. Berdyaev during the First World War, that, according to the philosopher, showed the essence of the German spirit, its power and danger for the fate of Europe and the whole world. It is noted that the attitude to the problem of Germanism of Berdyaev's contemporaries (for example, Sergei Bulgakov, Vladimir Ern) met his resistance and provoked his deeper perception of Germany's tragedy of the war years. The article reveals the essence of the concept of “two Germanies”, set forth by Berdyaev in the journalism of the war period in his article “Religion of Germanism”: the philosopher highlights the “old”, “first” Germany — the country of thinkers, mystics, poets, musicians and the “new”, “second” Germany, which was contemporary to Berdyaev, and that can be characterized in terms of aggressive militarism, industrial development, imperialist claims. Following Berdyaev, the author points to the consistency of those two states of the Germanic spirit, to the

commonality of the “root” with a striking difference of historical objectification. It is noted that the way of understanding the threat of Germanization is similar to Berdyaev’s later perception of Bolshevism — just as repulsive and hostile to him, but just as natural and organic phenomenon of national lives (German and Russian respectively). In order to indicate the context of Berdyaev’s historiosophical constructions, the article proposes a philosopher’s view of the catastrophe of the First World War, and in that view one can note clear optimistic notes; also, the military context is important for the dynamic positioning of the roles of Russia and Germany in the world process (namely, the struggle between Germanism and Slavism).

Keywords: Germanism, Slavism, neo-Slavophilism, World War I, mechanization, Russian philosophy

For citation: Makarova, A.F. (2021) “Two Germanies” in Publicism of N.A. Berdyaev in 1914–1918’, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 4(3), pp. 154–167. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2021-4-3-154-167.

Николай Александрович Бердяев (1874–1948) — мыслитель, крепко связанный с судьбами Европы в целом и Германии в частности, метаморфозы образа и духа которой стали важной темой его публицистики периода Первой мировой войны. Философ был склонен типизировать национальные характеры. Так, он пишет о «душе России», о «польской душе», чтобы предложить обобщающий историософский взгляд на судьбы народов, на их собирательный лик, не подразумевая, однако, под ними самостоятельные сущности. Поэтому выделенные мыслителем немецкие черты не лишены стереотипичности, однако они интересны для реконструкции того пути, которым шел Бердяев при постижении смысла истории в острейший период войн и революций.

9 июня 1916 года в газете «Биржевые ведомости» (№ 15608) выходит статья «Религия германизма»¹, где Бердяев выделяет две Германии — «старую» (Германию великих мыслителей, мистиков, поэтов, музыкантов) и «новую» (Германию материалистическую, милитаристическую, индустриалистическую, империалистическую)². Но прежде чем рассмотреть общее и специфическое в

¹ Позднее статья вошла в сборник «Судьба России» [Бердяев, 1918].

² Концепция «двух Германий» бытовала не только среди русских мыслителей. Например, во Франции “Das Volk der Dichter und Denker” («народ поэтов и мыслителей») противопоставлялся варварству и милитаризму новой Германии.

этих «двух Германиях», необходимо обратиться к социокультурному контексту публицистики философа того времени, поскольку Первая мировая война («Великая европейская война») — ключевое событие, вокруг которого выстраиваются и с которым резонируют все историософские построения мыслителя в тот период.

«Великая война» обострила полемику вокруг вопросов национализма и национальных ликов, миссий, характеров России и Германии; германофильство русских философов (например, С. Н. Булгакова, Вяч. Иванова) сменилось настороженностью и даже враждебностью к стране, где молодые мыслители ранее учились. «Германская угроза» стала явной, и Бердяев, наряду с коллегами, взялся за ее описание и прогнозирование. В его текстах «германская раса» всегда выступала воплощением мужественного духа, стремящегося подчинить и оформить женственный дух славянства. Его статьи военных лет содержат некоторую поэтизацию «битвы германизма и славянства», иногда мыслитель приближается к пафосу «неославянофилов»³, который был неразрывно связан с духовным оправданием Первой мировой войны (и войны вообще). Так, С. Н. Булгаков полагал: «...русское воинство на поле брани не только спасает родину от страшного врага, <...> но, вместе с тем, священной кровью своей оно духовно возрождает Россию, искупает наш грех маловерия. Поэтому их подвиг ратный есть и подвиг духовный» [Булгаков, 2005, с. 115]. Смысл войны он описывает так: «В спасительном огне войны спадает мещанская чешуя Запада и обнажается бессмертный человеческий дух» [Булгаков, 1915, с. 51]. Таким образом, он атакует, казалось бы, не западного (германского) человека, а его «мещанскую чешую»; однако общее настроение статьи свидетельствует об убежденности автора в неразрывной связи «западного духа» и мещанства: западный человек без «чешуи» теряет какую-либо идентичность, сокрушенный «побеждающей духовной мощью русского воинства и всего русского народа» [там же, с. 44].

Другой, еще более явный и последовательный выразитель «неославянофильской» концепции Первой мировой войны, В. Ф. Эрн, в сборнике «Меч и крест»⁴ называет осевым событием столкновение духа Германии и духа России, представляя их в образах меча и православного креста. «Для Германии нет ничего выше меча, выше грубой физической силы, — сам Бог есть сила для них, а

³ Это именование в известной степени условно. Здесь мы следуем за Бердяевым, который так называл позицию В. Ф. Эрна, С. Н. Булгакова и некоторых других мыслителей в 1910-е годы.

⁴ Образ «меч и крест» наследуется из стихотворения В. С. Соловьёва «Дракон (Зигфриду)», написанного по поводу решения императора Вильгельма II послать войска для подавления восстания ихэтуаней в Китае в 1900 году: «Но перед пастью дракона // Ты понял: крест и меч — одно».

не правда. <...> Для России же меч — служение, а над мечом как святыня — крест, и сила сильна не силой, а правдой и только правдой» [Эрн, 1915, с. 6]. Мы оставляем в стороне исследование феномена немецкого милитаризма, несомненно проявлявшего себя и до, и после Первой мировой войны. Однако освящение русского меча светом креста, который в интерпретации Эрна становится национальным русским и никаким иным, на наш взгляд, недопустимо именно с точки зрения христианства и является его вульгарной провинциализацией⁵. Подобные процессы происходят и в современной России, но с той разницей, что статьи Эрна, Ильина, Булгакова сейчас признаются «респектабельными» и достойными цитирования в определенных политических контекстах. Стоит отметить, что «интеллектуальная мобилизация» периода Первой мировой войны, выраженная в интенсивной публицистической и лекционной работе отечественных мыслителей⁶ (впрочем, подобная «мобилизация» проходила и в Германии, и во Франции, и в Англии [см. Михайловский, 2014]), — феномен исключительной важности, так как он создал прецедент заметного участия философов в политической жизни страны.

Во многих публикациях военного времени фигурирует понятие «возрождение»⁷, но в различных смыслах. Так, в статье «О “вечно-бабьем” в русской душе» (1915) Бердяев пишет о духовном возрождении России, называя текст В. В. Розанова «Война 1914 года и русское возрождение» свидетельством возрождения славянофильства:

<...> ужасно, что не только Розанов, но и другие, призванные быть выразителями нашего национального сознания, тянут нас назад и вниз, отдаются соблазну пассивности, покорности, рабству у национальной стихии, женственной религиозности. Не только вечное, но и слишком временное, старое и устаревшее в славянофильстве хотели бы восстановить С. Булгаков, В. Иванов, В. Эрн. Огромной силе, силе национальной стихии, земли не противостоит мужественный, светоносный и твердый дух, который призван овладеть стихиями. Отсюда рождается опасность шовинизма, бахвальство снаружи и рабье смирение внутри.

[Бердяев, 1918, с. 35]

⁵ Подробный анализ взглядов В. Ф. Эрна периода Первой мировой войны см. в [Булдаков, 2021].

⁶ Например, публичные лекции С. Н. Булгакова, Вяч. Иванова, И. А. Ильина, Е. Н. Трубецкого и др., многочисленные статьи — часто в режиме острой полемики — в газетах «Новое время», «Русские ведомости», «Русская мысль», «Биржевые ведомости», сборники «Борьба народов», «Россия и ее союзники» и т. д.

⁷ Например, в статье Н. А. Бердяева «Война и возрождение» (1914), книге В. В. Розанова «Война 1914 года и русское возрождение» (1915) и др.

Так выражает Бердяев свое неприятие нового славянофильства (хотя «старые» славянофилы, в особенности А. С. Хомяков, высоко им ценимы). «Мужественный, светоносный и твердый дух» Бердяев приписывает Германии, но отчаянно жаждет его пробуждения в недрах русского народа. И только при условии этого пробуждения у России есть надежда на достойную будущность. Вероятно, его поздняя просоветская позиция, симпатия к советскому строительству (в широком смысле) объясняется именно этим чаянием: Бердяев, будучи в эмиграции, наконец дождался созидательного порыва в родной стране; впрочем, следует помнить о наблюдении извне, о неизбежном искажении информации, приходящей из СССР, а также об общей сентиментальности и тоске философа в период изгнания.

Военная философская публицистика нуждается в этическом оправдании, так как ее адресат может справедливо потребовать от мыслителя «сначала повоевать, а потом слагать теории». Грань допустимой идеализации и теоретизации, морализаторства, полагаем, определяется интуитивно и зависит от эпохи. Бердяев, современник войны и критикуемых им мыслителей, находит у Розанова и Эрн «что-то неприятное и мучительное в слишком легком, благодушном, литературно-идеологическом отношении к войне» [там же, с. 38]. Для Бердяева тема войны становится мучительной. Он ощущает напряжение исторической катастрофы, является «человеком переулка» в противоположность «человеку бульвара», значительно более оптимистичному⁸. Не может не вызывать симпатии способность Бердяева признавать собственную вину⁹ и каяться в ошибках, как он это делает в статье «Мировая опасность», написанной «вместо предисловия» к сборнику своих работ «Судьба России» (1918): «Всё время войны я горячо стоял за войну до победного конца. И никакие жертвы не пугали меня. Но ныне я не могу не желать, чтобы скорее кончилась мировая война» [там же, с. II]. Действительно, в уже упоминавшейся статье «Война и возрождение», которую можно назвать программной для мысли Бердяева в начале войны, немало сказано в оправдание войны как неизбежного и очистительного, хотя и катастрофического, события мировой истории: «...война

⁸ «Бульвар и переулок» — название домашнего рукописного журнала, авторами которого были Н. А. Бердяев, Вяч. Иванов, В. Ф. Эрн, М. О. Гершензон и др.; некоторые тексты представляли собой личную шуточно-ироническую полемику авторов, некоторые обыгрывали темы военной публицистики. Подробнее о «Бульваре и переулке» см. [Проскурина, 1994].

⁹ Например, по его словам, вина свершения революции «лежит не на одних крайних революционно-социалистических течениях. Эти течения лишь закончили разложение русской армии и русского государства. Но начали это разложение более умеренные либеральные течения. Все мы к этому приложили руку. Нельзя было расшатывать исторические основы русского государства во время страшной мировой войны...» [Бердяев, 1918, с. IV].

имеет смысл, она карает, губит и очищает в огне, возрождает дух дряблый и расслабленный» [Бердяев, 2007, с. 243]; «В войне выковывается характер народов, крепнет мужество духа, испытания и жертвы полагают предел изнеженности и размягченности, буржуазной сытости и спокойствию, личному и семейному эгоизму» [там же, с. 247]. Отвращение к «буржуазной сытости и спокойствию» у Бердяева аналогично неприятию европейского «мещанства» у Булгакова. Неудивительно, что в начале войны, когда большинство русских мыслителей были убеждены в ее скором завершении, рассуждения о ее «очищительной» функции еще не представлялись бесчеловечными.

Борьба с германским милитаризмом, который был признан мыслителями основной, глубинной причиной начала «Великой европейской войны», неоднократно признавалась «священной». На смену «германской расе», по мнению Бердяева, в результате этой борьбы должна была прийти «славянская раса»: «Германской расе противостоит еще культурно-молодая, свежая, полная надежд на будущее славянская раса» [там же, с. 245]. Таким образом, победа в войне — победа над «германизацией славянства» во имя его (славянства) будущего. Идеи о будущем славянской расы во главе с русским народом соотносимы с концепцией «народа-богоносца»: русский народ имеет великое историческое призвание, но еще не настал его час. Отметим, что при популяризации этой концепции важнейший аспект служения другим народам нередко уходит в тень, на первое место ставится упование на собственную самобытность и уникальность. Интересно, что последующие (после Первой мировой войны) события вполне обнаружили эту самобытность и уникальность, но опровергнув или, по крайней мере, существенно изменив неославянофильские прогнозы.

Итак, позиционирование России в публицистике Бердяева периода войны тесно связано с образом Германии — второй, «новой», воинственной. Интересно, что, прорисовывая этот образ — на первый взгляд, весьма непривлекательный и даже отталкивающий, — Бердяев занимается его апологией, оправданием, доказательством его органичности немецкой истории и немецкому духу. Подобным образом позже он будет писать и о большевизме: переживая явное отторжение, он последовательно обосновывал органичность, имманентность большевизма русскому народу, настаивал на ответственности народа за появление и победу большевиков, не соглашался с идеей о случайности Октября.

Бердяев выступает против упрощенного понимания трансформации «старой» Германии поэтов в «новую» Германию юнкеров, хотя и условно поддерживает установление связи между германским духом и германской материей в стиле «от Канта к Круппу». В статье «Религия германизма» (1916) он утверждает, что нет никакого противоречия между идеализмом немецкой филосо-

фии и материализмом, милитаризмом современной Германии: «То, что мы называем германским материализмом, — их техника и промышленность, их военная сила, их империалистическая жажда могущества — есть явление духа, германского духа. Это — воплощенная германская воля» [Бердяев, 2007, с. 150]. Трагедия Германии схожа с трагедией России и заключается в «безбрачии» двух великих народов, в избыточной воле, напряженной мужественности немца и в недостаточной воле, пассивной женственности русского.

Единство «двух Германий» обусловлено неизменностью немецкого духа, о котором Бердяев в публицистике военных лет выносит категоричные суждения, последовательно обобщая и типизируя:

Первоощущение бытия для немца есть прежде всего первоощущение своей воли, своей мысли. Он — волюнтарист и идеалист. Он музыкально одарен и пластически бездарен. Музыка есть еще дух субъективный, внутреннее состояние духа. Пластика есть уже дух объективный, воплощенный. Но в сфере объективного, воплощенного духа немцы оказались способными создавать лишь необычайную технику, промышленность, милитаристические орудия, а не красоту. Безвкушие немцев, которое поражает даже у величайших из них, даже у Гёте, связано с перенесением центра тяжести жизни во внутреннее напряжение воли и мысли.

[Там же, с. 151]

Таким образом, «пластическая бездарность» немца приводит к созданию совсем иной пластики — вооружения и техники, но эта склонность наследуется из глубин национального духа, от Экхарта, Лютера, Канта, Фихте, Гегеля — вершинных проявлений немецкого гения.

В той же статье «Религия германизма», которую можно назвать «программной» по вопросу германизации и характеристики немецкого духа, Бердяев приходит к парадоксальному выводу о том, что немец может быть свободным лишь в казарме. Категория «казармы» становится для Бердяева важной, поскольку стержневой для его философии является категория свободы:

Воля к власти над миром родилась на духовной почве, она явилась результатом немецкого восприятия мира как беспорядочного, а самого немца как носителя порядка и организации. Кант построил духовные казармы. Современные немцы предпочитают строить казармы материальные. Немецкая гносеология есть такая же муштровка, как и немецкий империализм. Немец чувствует себя свободным лишь в казарме. На вольном воздухе он ощущает давление хаоти-

ческой необходимости. <...> Могущественная, угрожающая всему миру германская материя есть эманация германского духа, и дух германский истощился в этой эманации, умалился от этого напряжения вовне. В германском духе нет безграничности — это в своем роде великий и глубокий дух, но ограниченный, отмеренный дух, в нем нет славянской безмерности и безгранности. Дух Достоевского — неистощим.

[Там же, с. 153–154]

Так внезапно заключает Бердяев, с характерной для военных лет строгостью обличая Германию в ограниченности духовных возможностей при безграничности политических претензий. Впрочем, любимые философом немцы — Бёме, Силезиус, Баадер, Экхарт — выводятся из круга «германской идеи», признаются им величайшими и находящимися выше национальных пространств; Бердяев отказывается назвать их «духовными отцами» современной ему Германии, несмотря на преемственность духа: подземный корень пророс в неведомый ему мир и дал по-настоящему неожиданные ростки и плоды. Таким образом, Экхарт не должен отвечать за Вильгельма, а Кант — за Круппа. Подобную позицию занимал современник и знакомый Бердяева, знаток истории Германии А. К. Дживелегов:

По поводу немецкой культуры и по поводу Вильгельма у нас наговорено очень много всяких глупостей. Разные российские богоискатели готовы и варварства немецких лейтенантов, и вероломства немецких дипломатов ставить в вину... Иммануилу Канту и чуть ли не самого Шиллера делать ответственными за Лувен и Калиш. Суди их Бог! Вильгельм II, конечно, — продукт немецкой культуры, но его психика создалась совсем под другими влияниями, чем Кант и Шиллер. Романтизма в душе его очень много. Но это — романтизм не Шиллера, а Людвига Галлера или Штала, идеологов реакции, ценивших в средневековые самые темные его стороны.

[Дживелегов, 1915, с. 47]

Бердяев склонен квалифицировать сильные явления как «религию» (например, незадолго до Октября он будет писать о «религии большевизма»¹⁰), и в статьях 1914–1918 годов он возводит германизм до своеобразной религии (и Вагнер — пророк ее): «В этой германской религии нет покаяния и нет жерт-

¹⁰ См., напр., статью «Религиозные основы большевизма (Из религиозной психологии русского народа)» (1917) [Бердяев, 2007, с. 593–598].

вы. Германец менее всего способен к покаянию. И он может быть добродетельным, нравственным, совершенным, честным, но почти не может быть святым. Покаяние подменяется пессимизмом» [Бердяев, 2007, с. 154]. Более того, мыслитель обвиняет Германию в том, что она своим германско-европейским централизмом препятствует соединению Востока и Запада, которое Бердяев считает основной задачей всемирной истории.

Проблеме соотношения «двух Германий» созвучна актуальная для начала XX века проблема машины (механизма). Что есть машина? Как ее соотнести с человеком, с культурой? В чем опасность машины? В статье «Дух и машина» (1915) мыслитель утверждает: «Наши споры о германизме вращаются вокруг темы — дух и машина. Нельзя отрицать, что в Германии было много духа, и Германия же пришла к самым совершенным образцам механизации и машинизации» [там же, с. 200]. Бердяев лишен какого бы то ни было алармизма по поводу машинизации, он даже считает этот процесс благотворным и промышленным, освобождающим дух:

Совершается роковой процесс машинизации жизни, замена органического механическим. <...> Сама машина есть явление духа, момент в его пути. Обратной стороной машинизации и материализации жизни является ее дематериализация и одухотворение. Машина может быть понята как путь духа в процессе его освобождения от материальности. Машина разрывает дух и материю, вносит расщепление, нарушает первоначальную органическую целостность, спаянность духа и плоти. И нужно сказать, что машина губительна не столько для духа, сколько для плоти.

[Там же]

Таким образом, миссия Германии в мировом процессе продолжает раскрываться с новых сторон — ранее упомянутая пластическая бездарность немецкой культуры оказывается не недостатком, а достоинством, своеобразно влияя на раскрытие духа через убиение «старой плоти» мира.

В статье «Современная Германия», опубликованной в октябре 1914 года в газете «Утро России» (№ 255) Бердяев выводит две «ветви» из одного немецкого корня: «германский юнкер» и «германский мыслитель, мистик и поэт». Тип «юнкера» включает в себя и тип «германского промышленника», и тип «немецкого бюргера» — три вариации «среднего» немца объединяет «торжество неодухотворенной материальности», неразвитая гражданственность, сравнительно низкий уровень культуры. Некоторую ответственность за такое состояние немецкого народа Бердяев имплицитно возлагает на «первую»

Германию: провозвестники высоких идей, немецкие мыслители не просветили общественную, государственную жизнь страны и народную мораль, оставив «среднего немца» в плену материальности. Схожий упрек слышится в околореволюционных статьях Бердяева — «О буржуазности и социализме» (1917), «Объективные основы общественности» (1917), «Кто виноват?» (1917), «Гибель русских иллюзий» (1918) и т. д., где он возлагает ответственность за разгул красной стихии на творческий цвет русской культуры и на интеллигенцию, не исполнившую своего долга вывести народ из духовно пассивного и рабского состояния. Однако опасность «второй Германии» не в пассивности, а наоборот — в культе силы, в тяге к активному переустройству мира, но не с уважением к иерархической упорядоченности национальных ликов, а в насилии и варварстве. Итак, созидательная роль «первой Германии» гениальных индивидуальностей не уберегла мир от разрушительной роли «второй Германии» — милитаристической, самоуверенной и антикультурной, уничтожающей.

Немецкая философия — важнейшая тема для Бердяева в рассуждении о немецком духе, и мыслитель решительно восстает против неославянофильской позиции, упрощительного трафарета, по которому эта философия — «имманентизм и феноменализм, отрицание Софии, оторванность от женственного начала, от земли, от природы» [там же, с. 306]. Бердяев не может пройти мимо таких упреков и напоминает, что в немецкой мистике были величайшие откровения о Софии (Бёме, Гофман), о природе (Шеллинг), да и атрибуция немцам имманентизма не бесспорна, поверхностна. Но чему Бердяев действительно противится (хотя и выводит из-под обвинений «первую Германию») — так это претензии германизма на монопольное обладание истиной и правдой:

Настоящая ложь и греховность германизма — это попытка монополизировать и национализировать истину и правду, объявить истину германской, а правду — выражением германской силы. Это есть у Чемберлена, Дрекса и других идеологов германизма. На этой почве развивается безумное самомнение. Тут германский волюнтаризм вырождается в голое, ничем не ограниченное «хочу». Не дай Бог нам походить на германцев в этом их национально-волевом уклоне.

[Там же, с. 309]

Угроза германизации России звучит лейтмотивом в публицистике Бердяева военных лет. Под германизацией подразумевается, конечно, влияние «второй Германии», мужественного элемента, преступающего границы и законы: «Германия явно стремится к мировому господству и к образованию новой ми-

ровой империи. Германия хотела бы германизировать весь мир. <...> Германия неспособна соединять, она способна лишь поработать. Инстинкты германской расы завоевательные и насильнические», — пишет философ в статье «Россия, Англия и Германия» (1916) [там же, с. 430]. Интересно, что «германизация» не как порабощение, а как «огерманивание», обретение дисциплины личности по подобию немецкой, но самобытно-русской — несбывшаяся мечта Бердяева, его чаяние на протяжении всей жизни. Германская прививка не состоялась, собственных механизмов обретения национальной «мужественности» в России не выработалось — состоялся лишь процесс «онемечивания и порабощения души России, обезличения русской интеллигенции» — утверждает мыслитель в статье «Германские влияния и славянство» (1917) [там же, с. 601].

Сущностная характеристика германского духа, которая, по Бердяеву, объемлет обе Германии — гордость и самоуверенность. В статье «Религия германизма» он пишет: «Дух тевтонской гордости пропитал всю германскую науку и философию. Немцы не довольствуются инстинктивным презрением к другим расам и народам, они хотят презирать на научном основании, презирать упорядоченно, организовано и дисциплинированно» [там же, с. 155]. Несмотря на желание пробуждения дисциплины и организованности русского человека, предельная упорядоченность явно пугает и отвращает Бердяева, он чувствует в ней «казарму» и несвободу, безмерную претензию на вольное веяние духа — и, конечно, за русскую волю и широту (которые еще не есть свобода, а только ее предвосхищение и потенция) он готов простить — до времени — русскую же распущенность и пассивность.

Освобождение России от немецкого духа, по мнению Бердяева, — одна из задач Первой мировой войны. Общий оптимизм его текстов военных лет пророчит эту свободу, хотя в статье «Война и возрождение» он оговаривается, что «роднее нам и безопаснее для нас культура латинских народов» [там же, с. 264]. Таким образом, философ делает шаг назад, оставляя пространство для маневра в сторону латинства в случае собственного национального бессилия. Тем не менее образ двух Германий — важная составляющая мировоззрения мыслителя в военный период. Резкое размежевание «страны философов, мистиков и поэтов» и «страны юнкеров и бюргеров» сочетается у него с признанием общего корня — немецкого духа, «северного», направленного в глубь самого себя и извергнувшего не пластическую красоту, а технически мощную машину завоевания. Поэтому не следует слишком расслаивать национальный лик: он един, но имеет вершинные проявления, выходящие в наднациональное единство мирового духа, и грубую материю народной массы, которая в XX веке и стала основной движущей силой великих катастроф.

Список источников

Бердяев Н. А. Падение священного русского царства. Публицистика 1914–1922. М.: Астрель, 2007. 1179 с.

Бердяев Н. А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М.: Изд. Г. А. Лемана, С. И. Сахарова, 1918. V, 240 с.

Булгаков С. Н. Война и русское самосознание (публ. лекция). М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1915. 59 с.

Булгаков С. Н. Русские думы // Русские философы о войне: Ф. М. Достоевский, Вл. Соловьев, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Е. Н. Трубецкой, С. Л. Франк, В. Ф. Эрн / сост. И. С. Даниленко. М.; Жуковский: Кучково поле, 2005. С. 303–315.

Булдаков В. П. Долой Канта! Первая мировая война и философская германофобия в России // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 1. С. 101–122. DOI: 10.17323/2658-5413-2021-4-1-101-122.

Дживелегов А. К. Немецкая культура и война. М.: Т-во И. Н. Кушнерев и К°, 1915. 63 с.

Михайловский А. В. Успехи и неудачи «интеллектуальной мобилизации»: германский и российский опыт // Вопросы национализма. 2014. № 3. С. 129–151.

Проскурина В. Рукописный журнал «Бульвар и Переулок» (Вяч. Иванов и его московские собеседники в 1915 году) // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 173–209.

Розанов В. В. Война 1914 года и русское возрождение. Пг.: «Новое время», 1915. 234 с.

Эрн В. Ф. Меч и крест. Статьи о современных событиях. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1915. 104 с.

References

Berdyayev, N.A. (1918) *Sud'ba Rossii. Opyty po psikhologii voiny i natsional'nosti* [The Fate of Russia. Experiments on the Psychology of War and Nationality]. Moscow: Izdanie G.A. Lemana, S.I. Sakharova.

Berdyayev, N.A. (2007) *Padenie svyashchennogo russkogo tsarstva. Publitsistika 1914–1922* [The Fall of the Sacred Russian Kingdom. Journalism 1914–1922]. Moscow: Astrel'.

Buldakov, V.P. (2021) 'Dawn with Kant! World War I and Philosophical Germanophobia in Russia', *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 4(1), pp. 101–122. doi:10.17323/2658-5413-2021-4-1-101-122. (In Russ.)

Bulgakov, S.N. (1915) *Voina i russkoe samosoznanie (publichnaya lektsiya)* [War and Russian Identity (public lecture)]. Moscow: Tipografiya tovarishchestva I.D. Sytina.

Bulgakov, S.N. (2005) 'Russkie dumy' ['Russian Thoughts'], in Danilenko, I.S. (ed.) *Russkie filosofy o voine: F.M. Dostoevskii, Vl. Solov'ev, N.A. Berdyaev, S.N. Bulgakov, E.N. Trubetskoi, S.L. Frank, V.F. Ern* [Russian Philosophers About War: F.M. Dostoevsky, Vl. Soloviev, N.A. Berdyaev, S.N. Bulgakov, E.N. Trubetskoy, S.L. Frank, V.F. Ern]. Moscow; Zhukovskii: Kuchkovo pole, pp. 303–315.

Dzhivelegov, A.K. (1915) *Nemetskaya kul'tura i voina* [German Culture and War]. Moscow: Tovarishchestvo I.N. Kushnerev i K°.

Ern, V.F. (1915) *Mech i krest. Stat'i o sovremennykh sobyitiyakh* [Sword and Cross. Articles about Contemporary Events]. Moscow: Tipografiya tovarishchestva I.D. Sytina.

Mikhailovskii, A.V. (2014) 'Uspekhi i neudachi "intelektual'noi mobilizatsii": germanskii i rossiiskii opyt' ['Successes and Failures of "Intellectual Mobilization": German and Russian Experience'], *Voprosy natsionalizma* [Questions of Nationalism], 3, pp. 129–151.

Proskurina, V. (1994) 'Rukopisnyi zhurnal "Bul'var i Pereulok" (Vyach. Ivanov i ego moskovskie sobesedniki v 1915 godu)' ['Handwritten Magazine "Boulevard and Lane" (V. Ivanov and his Moscow Companions in 1915)'], *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 10, pp. 173–209.

Rozanov, V.V. (1915) *Voina 1914 goda i russkoe vozrozhdenie* [The War of 1914 and Russian Revival]. Petrograd: "Novoe vremya" Publ.

Информация об авторе: А. Ф. Макарова — младший научный сотрудник, руководитель научного отдела философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Адрес: Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1.

Information about the author: A. F. Makarova — Junior Researcher, Head of the Scientific Department at the Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University. Address: 1 GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.07.2021;
одобрена после рецензирования 20.08.2021;
принята к публикации 25.08.2021.

The article was submitted 21.07.2021;
approved after reviewing 20.08.2021;
accepted for publication 25.08.2021.